

Небрат С.Г.

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИНГУЛЬСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Реферат: Статья посвящена довольно редкому ритуалу вторичного погребения в ингульской катакомбной культуре (ИКК) средней поры эпохи бронзы. Целью работы является всесторонняя характеристика данных комплексов, их анализ и интерпретация. Исходя из поставленной цели, возникают следующие задачи: 1) дать характеристику степени изученности проблемы; 2) пересмотреть все известные автору погребения ИКК и выделить те из них, которые можно отнести к группе вторичных погребений; 3) проанализировать погребальный ритуал; 4) предложить попытку интерпретации данных комплексов.

Вторичные погребения представляют собой захоронения либо одних костей умерших, либо тел, находящегося на разных стадиях процесса разложения. Чаще всего останки выкладывались в псевдоанатомическом порядке, имитируя традиционную позу, либо были сложены компактной кучкой на дне могилы.

Подобным способом погребались люди, умершие вдали от родных мест во время выпаса скота или военного набега. Поскольку их тела не получалось своевременно предать земле, соплеменники были вынуждены хоронить кости или не до конца разложившиеся тела. При этом желательно было придать телу традиционную при погребении позу – вытянуто на спине. Для этого кости складывались в порядке, который несколько напоминает анатомический.

Ключевые слова: “вторичные погребения”, “расчлененные погребения”, ингульская катакомбная культура, средний бронзовый век, Северное Причерноморье.

Abstract: The article is devoted to rather rare ritual secondary burials of Ingul catacomb culture (ICC) of the Middle Bronze Age. The purpose of work is a comprehensive description of these burials, their analysis and interpretation. Based on the goal, you experience the following tasks: 1) to characterize the degree of knowledge of the problem; 2) review all known burials of ICC and highlight those, that can be attributed to the group of secondary burials; 3) to analyze the funerary ritual; 4) to propose to attempt to interpret this complexes.

Secondary burials represent a disposal or bones of the dead, or body, staying at different stages of decomposition. Most often, the bones are in order imitating anatomical, mimicking the traditional pose, or were folded compact bunch on the bottom of the grave.

In this way were buried people who died far from home during grazing or military incursion. Because their bodies are not getting timely betray the earth, people were forced to bury the bones or not fully decomposed body. Thus it was desirable to make your body a traditional burial position, stretched out on his back. For this bone shape in order that somewhat resembles the anatomical.

Keywords: “secondary burial”, “dissected burial”, Ingul catacomb culture, Middle Bronze Age, Northern Black Sea region.

Введение. Среди многочисленных погребальных традиций бронзового века юга Восточной Европы обращают на себя внимание комплексы со скелетами, анатомическое положение которых было нарушено в древности. В археологической литературе они чаще всего известны как “погребения с расчленениями” или “вторичные погребения”.

Отклонение от модели рядового погребения заключалось в том, что останки находились чаще не в “канонической” позе. Кости либо складывались в кучу (“пакетом”) либо выкладывались так, чтобы придать останкам погребенного некую ориентацию и позу, как этого требовала традиция.

Следует согласиться с В.И. Мельником в том, что необходимо различать среди “расчлененных” погребений те, в которых прослежено искусственное разделение тела (с отчленениями отдельных частей тела) и те, где скелет распался полностью или частично до момента окончательного погребения. Последний вариант принято называть “вторичными погребениями”.

Отметим, что погребения полностью или частично разложившихся трупов широко практиковалось в эпоху палеометалла. Несмотря на это, работ, посвященных данному

аспекту крайне мало. В них чаще охватывалась часть ареала какой-либо культуры либо просто “обыгрывались” исследователями несколько таких комплексов.

Справедливо сказать, что удельный вес вторичных погребений в катакомбных культурах довольно высок, в сравнении с другими культурами бронзового века. По этой причине, памятники эпохи средней бронзы заслуживают отдельных исследований. Обращает на себя внимание полное отсутствие специальных работ, посвященных этому аспекту в ингильской катакомбной культуре (ИКК). Учитывая обширный ареал последней и накопившуюся к настоящему времени источниковую базу, необходимость такого исследования стала очевидна.

Историография. Погребения с “расчленениями” стали интересовать исследователей с момента их первых открытий. Вопрос о трактовке таких комплексов стал предметом дискуссий. Д.Я. Самоквасов, а затем и В.А. Городцов видели в них свидетельства антропофагии, в то время как А.С. Уваров настаивал на иной интерпретации, связывая погребения костей с зороастрийским обычаем выставления трупов [Мельник 1991, с. 6-7].

В начале XX ст. французский социолог Роберт Херц в своей работе “Коллективные представления о смерти” рассматривал подобные погребения в контексте идеологических воззрений древних людей на жизнь и смерть. Р. Херц отмечал, что окончательная смерть наступает только тогда, когда заканчивается разложения трупа [Venbrux 2007, p. 5-8]. Это объяснение причин появления вторичных погребений было встречено критикой со стороны других исследователей, стоявших на более прагматичных позициях. Так, Питер Меткальф высказал предположение, что погребения с нарушенной антропологической целостностью скелета было результатом действия времени, необходимого соплеменникам для выполнения ряда ритуальных действий, требующих немалых материальных затрат. В это время тело сберегалось в определенном месте, которое можно считать первичным местом погребения [Schroeder 2001, p. 80]. Ряд исследователей из США (Дж. Ховман, Дж. Уэлтхолл и др.) проводят связь обряда вторичного погребения с подвижным образом жизни охотников и собирателей, не имевших стационарных поселений, а стало быть, и стационарных мест для погребения своих соплеменников [Schroeder 2001, p. 81].

Пожалуй, первым, кто на катакомбных материалах полноценно рассмотрел неординарные погребения (в том числе и вторичные захоронения) был В.И. Мельник [1991]. Основываясь на материалах Нижнего Дона, была проведена работа на высоком методическом и теоретическом уровне, в ходе которой были выделены и даны определения погребениям с расчленениями, вторичным, совместным и кенотафам. Исследователь отказывается от антропофагии, как причине появления захоронений, где кости были сложены “пакетом” либо выложены в “традиционную” позу и склоняется к тому, что вторичные погребения являются результатом невозможности своевременного погребения умерших.

Несколькими годами позднее Ю.А. Шилов предложил иную трактовку “расчлененных” погребений, рассматривая их как человеческие жертвоприношения, обращая внимание читателя на арийский Гимн Пуруше [Шилов 1995, с. 137]. По его мнению, такие жертвоприношения были добровольные. В том случае, если в катакомбе находились двое погребенных, один в стандартной позе, а второй “расчлененный”, то последний субъект как бы усиливал магические способности сопровождавшегося им “обычного” покойника. И все же, Ю.А. Шилов не оспаривает взгляды В.И. Мельника, и вполне допускает трактовку таких комплексов, как дозахоронений перевезенных с чужбины останков умершего соплеменника [Шилов 1995, с. 141].

В 2000-х гг. интерес к “особым” погребениям в древних культурах Евразии возрастает. В свет выходят работы, в которых в той или иной мере затрагивается вопрос о вторичных погребениях. Не ставя задачи полного и всестороннего историографического обзора, стоит отметить, что результаты исследований неравнозначны в виду объема публикации, убедительности аргументов, источниковой базы, которой владел исследователь.

В этно-археологических реконструкциях В. Кульбаки и В. Качура носители ингульской катакомбной культуры отождествляются с протоиранцами, а вторичные погребения (а с ними и погребения с глиняными моделировками лица по черепу) рассматриваются как следы древнеиранского обычая выставлять трупы, зафиксированного в Авесте [Кульбака, Качур 2000, с. 42].

Весьма любопытна работа Ю.М. Васильева, который вовсе оспаривает критерии выделения погребений, определяемых как вторичные, кенотафы, жертвоприношения, погребения со следами каннибализма. Исследователь предлагает термин “двухактные погребения”, под которым понимается ингумация, как первый акт в погребальном обряде и эксгумация как второй и финальный. Во время эксгумации, вероятно, происходило “обезвреживание”, когда кости и сопровождающий инвентарь разбрасывались. После этих ритуальных действий покойник окончательно отправлялся из мира животных в мир мертвых [Васильев 2005, с. 41].

Особый интерес представляют работы О.В. Зайцевой. На основе широкого круга источников различных культур, начиная от эпохи неолита и заканчивая средневековьем, всесторонне рассматривается проблема погребений с нарушенной анатомической целостностью костяка. Разработан на конкретных случаях опыт выделения вторичных погребений, “оскверненных” погребений (“ритуальных вскрытий”), расчлененных и парциальных захоронений; предложены практические рекомендации по исследованию таких комплексов. Следует подчеркнуть, что ряд основных положений В.О. Зайцевой дополняют и конкретизируют положения В.И. Мельника [Зайцева, Ражев 2005; Зайцева 2005а; 2005б].

Работы в этом же направлении ведет Т.В. Осипова на средневековых материалах Окско-Сурского междуречья. Были выделены три группы разрушенных захоронений: вторичные, обезвреженные и неопределенные. Под вторичными погребениями подразумевались комплексы, с компактно сложенными костями. “Обезвреженные” выделялись по признаку смещения некоторых костей. Как правило, следы ритуального разрушения отмечались в области груди и черепа покойного [Осипова 2006]. Дифференцируя погребения, исследовательница порой затрудняется в силу различных причин отличить вторичные от разрушенных погребений, что и заставило ее выделить группу неопределенных.

Большой интерес представляют исследования последних лет, основанные на материалах курганных культур эпохи бронзы. Так “расчлененные” погребения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья были рассмотрены С.С. Поповичем и С.М. Агульниковым [Попович 2010, с. 132-135; Агульников, Попович 2011, с. 323-344]. Вторичные захоронения междуречья Днестра и Прута, по мнению исследователей, свидетельствуют об обряде демембрации, который понимается как умышленное смещение костей человеческого скелета с первоначального положения и размещение их либо в беспорядке, либо в порядке, прямо противоположном первоначальной позиции, в которой находился покойный в момент погребения. Такая практика, по мнению С.М. Агульникова и С.С. Поповича, имеет узколокальный признак и, вероятно, маркирует представителей определенной социальной прослойки. Отметим, что в свое время С.В. Иванова не решилась дать интерпретацию этим погребениям в своем социо-археологическом исследовании, ссылаясь на недостаточное количество антропологических определений [Агульников, Попович 2011, с. 342].

Показательной является работа Р.А. Литвиненко, который, проанализировав практически все известные погребения культурного круга Бабино, выделяет серию комплексов с довольно редким обрядом перезахоронения. Большинство таких комплексов было обнаружено в курганах между Днепром и Доном (в пределах ареала Днепро-Донской бабинской культуры). Р.А. Литвиненко отмечает, что это, как правило, погребения взрослых мужчин с высоким/повышенным социальным рангом (не путать со статусом). По мнению исследователя, появление такой практики было обусловлено экстраординарными

жизненными обстоятельствами. Подобные обстоятельства вполне могли носить характер военных экспедиций, в результате которых не всегда своевременно удавалось предать тело воина земле [Литвиненко 2011, с. 26-30].

Известны такие погребения и в срубной культуре, но они уже встречаются гораздо реже. Реконструируя социальную структуру общества носителей срубной культуры, В.В. Цимиданов затрудняется сказать, был ли обряд вторичного погребения статусным либо же ранговым знаком. Но другие признаки, очевидно, указывают на социально неординарное положение погребенных по такому обряду людей. Именно по этой причине В.В. Цимиданов отклоняет предположение о стечении обстоятельств, не позволивших своевременно похоронить труп. Наоборот, тело, скорее всего, намеренно долго не зарывалось в землю. Служили ли останки объектом поклонения, сказать трудно [Цимиданов 2004, с. 61-62]. Недавние исследования кургана срубной культуры “Аэропорт” у г. Донецка дали новую информацию о дополнительных ритуально-магических действиях. Стало известно, что кости, лишённые мягких тканей, были раздроблены перед погребением. Так же отсутствовала верхняя и нижняя челюсти. Все же стоит отметить, что данный случай является уникальным [Усачук и др. 2010, с. 194]. Было ли это обезвреживание “опасного” покойника или какие-то иные магические действия – сказать трудно.

Как видим, исследователи по-разному интерпретируют подобные случаи. Сделав историографический обзор и проанализировав выводы выше упомянутых авторов, можно выделить три причины, которые могли заставлять древних людей прибегать к подобной погребальной практике: 1) религиозно-магические; 2) ситуативные; 3) социальные.

Источниковая база.

Наиболее сложным шагом является отбор и оценка источников. При написании данной работы был учтен опыт других исследователей, в первую очередь В.И. Мельника и В.О. Зайцевой.¹

Следуя за вышеупомянутыми авторами, под вторичными погребениями подразумеваются перезахоронение костей или частично разложившихся трупов. При этом кости либо были сложены компактной кучкой – “пакетом” (возможно, находились в мешке), либо имитировали традиционное положение тела вытянуто на спине. В ряде случаев крупные кости и позвонки были зафиксированы в естественном сочленении, что указывает на еще сохранившиеся органические связи.

В нашу выборку не попали так называемые “парциальные” погребения, т.е. те, в которых было обнаружено несколько костей, зуб, фаланга пальца и т.п. Подобные случаи являются свидетельствами погребальных традиций, имевших, скорее всего, иное по своей смысловой нагрузке значение. К тому же стоит учитывать степень сохранности костей.

Не принимаются в расчет те парные/коллективные погребения, в которых кости первого умершего были, вероятнее всего, сдвинуты к дальней стене катакомбы для подзахоронения второго по обряду ингумации. Напротив, когда “пакетированный” скелет лежал возле входа в камеру катакомбы, то этот случай предлагается считать комплексом, в котором один субъект все же был погребен по обряду вторичного погребения (синхронно или асинхронно с первым покойником – вопрос сложный). Примером могут быть погребения у с. Заможное, к. 12, п. 4 и у с. Виноградное, к. 13, п. 2 (рис. 5, 2) [Пустовалов 1999, с. 229, 237]. С.Ж. Пустовалов оценивает “расчлененных” погребенных в этих катакомбах как первичные, которые были сдвинуты вследствие дозахоронения второго покойника. Тем не менее, более очевидным кажется иной вариант. Кости, действительно, часто перемещались при дозахоронении, но они чаще сдвигались к дальней стенке камеры катакомбы. Такие манипуляции были, вероятно, обусловлены ограниченным пространством погребального сооружения и очень узким лазом в камеру. В приведенных случаях, наоборот,

¹ Выразим свою признательность Р.А. Литвиненко, неоднократно консультировавшему нас по данной проблеме.

“расчлененные” кости лежали в центре камеры, ближе к выходу, что может говорить о том, что они не были сдвинуты, а скорее представляли собой погребение костей, лишенных мягких тканей.

Проведя ревизию имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы, можем сказать, что на данный момент располагаем сведениями о 31 вторичном погребении из известных нам 884 погребений ИКК, что составляет примерно 3,5% от общего числа. Приведем их краткую характеристику (табл. 1).

Анализ источников и попытка их интерпретации.

Картографирование вторичных погребений показывает, что они встречались чаще в курганах верхнего и среднего течения Ингульца, на р. Молочной, в нижнем течении Самары; значительно реже – в Северо-Западном Причерноморье и Крыму (в северной его части) (рис. 1). Большая их часть происходит из курганов Днепро-Азовского региона.

Бросаться в глаза то обстоятельство, что, не смотря на сравнительную редкость вторичных захоронений, они могут встречаться в пределах одной курганной группы, и даже в одном кургане.

В 5 случаях это были основные погребения, для которых была возведена первичная насыпь. В целом наличие/отсутствие насыпи или досыпки удалось проследить для 16 комплексов: для 7 был возведен курган или осуществлена досыпка; 9 ее не имели.

Обратимся к особенностям размещения могил в подкурганном пространстве. Анализ планиграфии показывает, что чаще всего вторичные погребения были обнаружены под восточной частью курганной насыпи (рис. 2, 1). Как правило, катакомбы были направлены камерами к центру кургана. Стоит сказать, что это характерно для большинства известных нам ингульских захоронений различных регионов. Все же необходимо отметить и случаи отступления от обрядовых норм. Так, погребение 12 в к. 8 у с. Филатовка в Крыму было ориентировано камерой от центра насыпи, а сама катакомба сооружена в северо-западном секторе кургана, что также довольно редко практиковалось ингульскими племенами. В одном из комплексов в верховьях Ингульца – Головковка VII, к. 25, п. 7 – была исследована катакомба с необычайно широкой шахтой (рис. 5, 1). Этот признак выделяет данный комплекс из всех известных автору погребений ИКК. Примечательно, что дно шахты было окрашено охрой, а на дне была обнаружена необожженная посуда.

Все погребения можно разделить на индивидуальные, когда в камере катакомбы находились останки одного умершего, парные и групповые. Индивидуальные захоронения доминируют – 22 (71%). Можно говорить и о биритуализме, когда одному из погребенных была придана поза вытянуто на спине, а второй был уложен “пакетом”. Известен редкий случай погребения двоих “расчлененных” покойников – Филатовка к. 8, п. 12 (рис. 3, 2). Весьма интересно тройное погребение 8 из к. 19 у с. Виноградное, которое можно отнести к ярусным.

В большинстве случаев костям придавалось некоторое направление, благодаря чему представляется возможным говорить о попытке ориентировать погребенных по сторонам света (север – 3 случая; северо-восток – 1; восток – 3; юго-восток – 3; юг – 4; юго-запад – 1; запад – 6; северо-запад – 2). Преобладает ориентация на запад (рис. 2, 3).

Положение костей в ряде случаев позволяет предположить, что останки находились в мешках из кожи или ткани. Так, в погребении из Дубовой Могилы удалось зафиксировать тлен от кожаного мешка с завязками в области черепа [Ковалева и др. 2003, с. 82-83]. Учитывая плохую сохранность органических материалов, проследить остатки мешков из кожи или ткани крайне сложно. В данном случае стоит упомянуть в качестве аналогии один раннекатакомбный комплекс из Северо-Западного Приазовья, в котором кости одного из трех погребенных были погребены в мешке из грубых ниток (Константиновка, к. 2, п. 7) [Болтрик и др. 1991, с. 71].

Проанализировав качественные и количественные характеристики погребального инвентаря, можно сказать, что все вещи находят аналогии в других комплексах ИКК. 13 погребений

(42%) являются вовсе безинвентарными, не считая случаев моделировок глиняной массой лицевого отдела черепа.

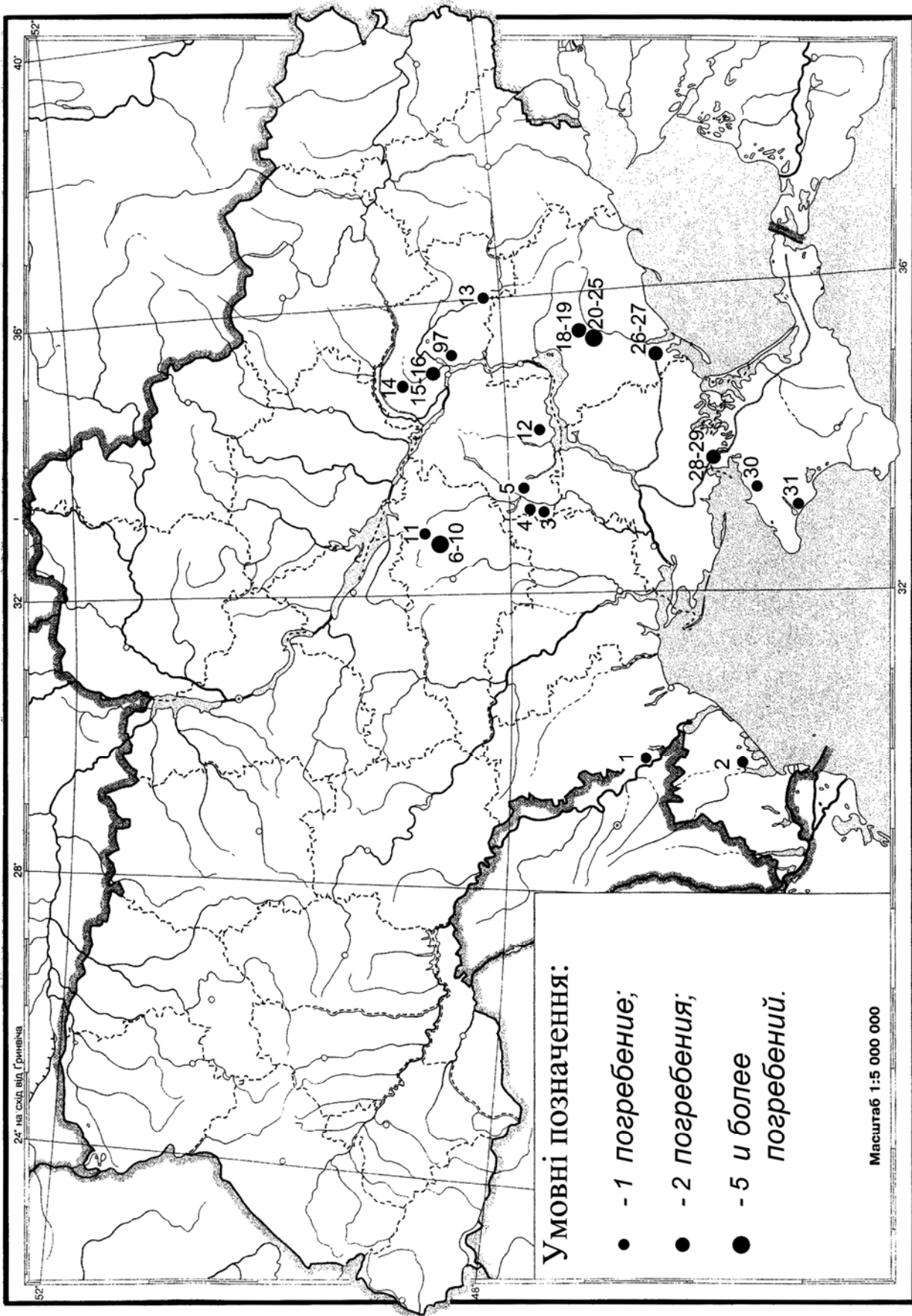

Рис. 1. Ареал вторичных погребений ингульской катакомбной культуры
Fig. 1. The area of secondary burials Ingul catacomb culture

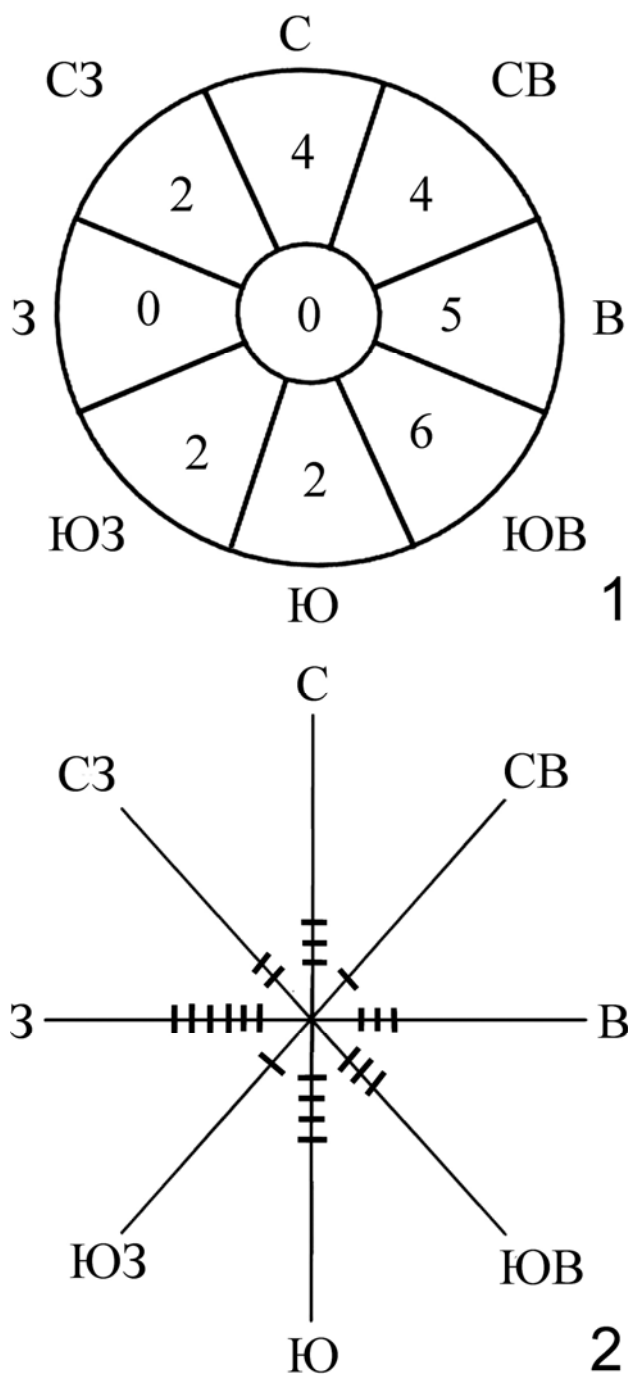

Рис. 2. Планиграфия могил и ориентация погребенных ингульской катакомбной культуры: **1** – закономерности размещения впускных катакомбных погребений в подкурганном пространстве; **2** – диаграмма ориентировок погребенных по сторонам света

Fig. 2. Accommodation graves and orientation buried Ingul catacomb culture: **1** – The patterns of intake catacomb burials in the burial mound; **2** – Chart bulletins buried on the parties of light

Все же обращает на себя внимание редкость глиняной посуды, которая была обнаружена в 6 комплексах (19%). Лишь в трех погребениях сосуды были обожжены (собственно керамическая посуда), а в остальных случаях, покойников сопровождали необожженные сосуды. Касаясь формы посуды, стоит отметить присутствие амфорок. Так, на дне шахты вышеупомянутого головковского погребения находились две необожженные амфорки, еще одна амфорка происходит из Верхней Маевки (к. гр. XVIII, к. 4, п. 12) и амфоровидный сосуд из Заможного (к. 12, п. 4). Деревянная посуда представлена чашами из 3 могил (10%).

4 погребения (13%) также сопровождалась изделиями из металла: шилья, нож, гвоздь, пластинка, а также изделиями из камня и кремня в виде растиральников, абразивов, отщепов кремня, наконечников стрел (погребения у с. Филатовка). Еще в двух могилах были обнаружены каменная булава и топор-молоток.

Уникальным остается погребение у с. Глинное (рис. 4, 1) [Разумов и др. 2013, с. 307]. Это единственный для ингульской культуры известный автору случай погребения целой туши коня. При этом стоит сказать, что кости животных крайне редко присутствуют в погребениях ИКК, в отличие от культур восточной половины катакомбной области.

Важной чертой погребального ритуала является использование охры. В различных регионах удельный вес катакомбных могил с охрой неодинаков. Во вторичных погребениях охра присутствовала в 25 случаях (83%) и окрашивала (порой довольно обильно) как кости, так и дно катакомбы в виде аморфных пятен, а в 4 случаях – в форме стоп. Также охра входила в состав массы, из которой изготавливались “маски” – моделировки лица по черепу (11 погребений, 10 из которых были обнаружены в Северо-Западном Приазовье и Крыму). Охрой были окрашены зубы коня из погребения у с. Глинное.

Интерпретация полученных результатов остается наиболее сложной задачей. Для того, чтобы перейти из археологической плоскости в историческую, необходимо учитывать, что

традиция вторичного захоронения известна в различных культурах различных периодов. Археологические данные говорят, что древнейшие проявления ритуала вторичного захоронения фиксируется в памятниках неолита Западной Сибири [Зайцева 2005а], а позднейшие, по этнографическим данным, приходится на 30-е гг. XX в. (один из способов погребения шаманов в Якутии) [Варавина 2008, с. 38].

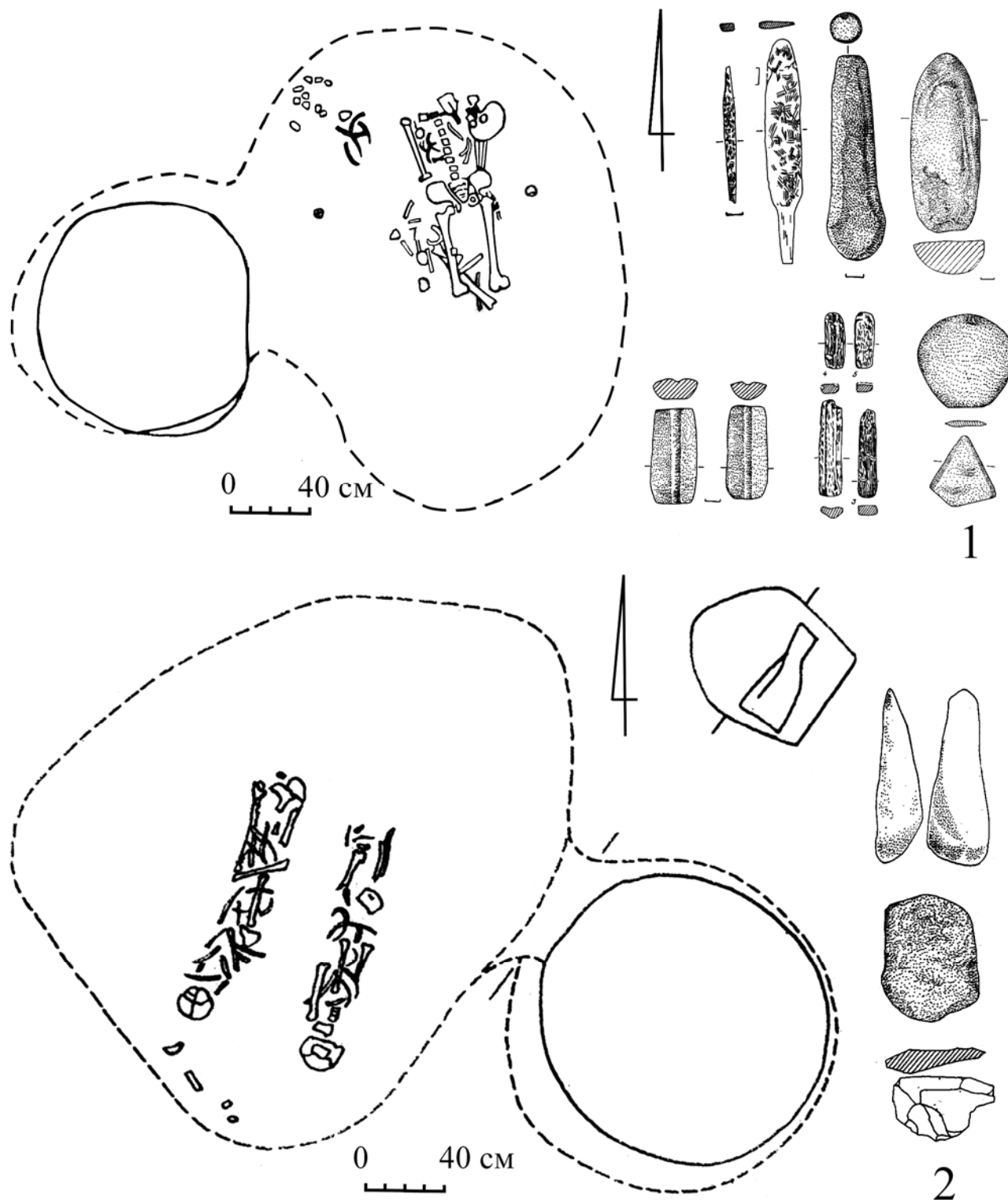

Рис. 3. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры: 1 – Филатовка 12/2; 2 – Филатовка 8/12
 Fig. 3. Secondary burials of Ingul catacomb culture: 1 – Filatovka 12/2; 2 – Filatovka 8/12

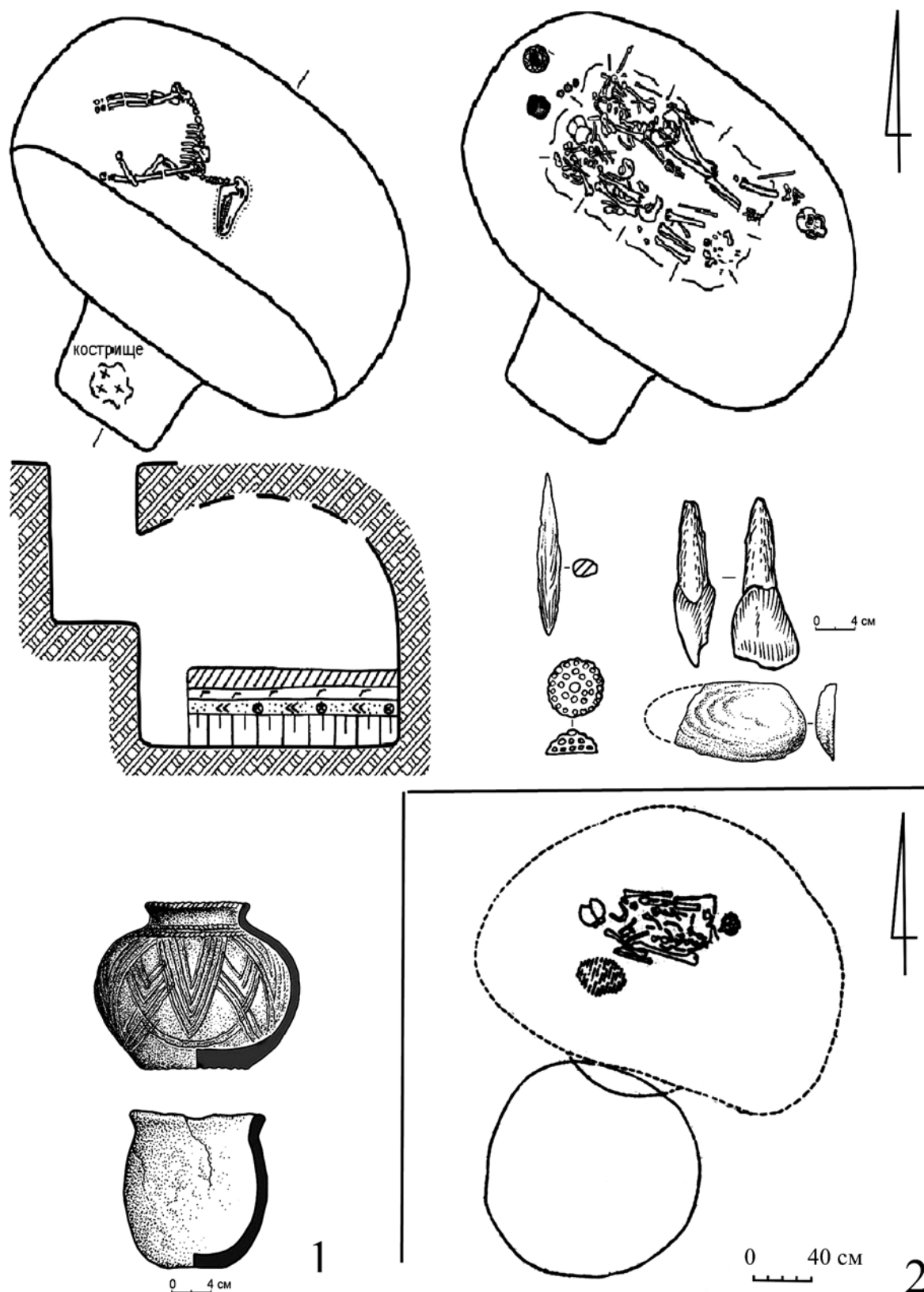

Рис. 4. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры: 1 – Глиное 1/43; 2 – Траповка 6/11
Fig. 4. Secondary burials of Ingul catacomb culture: 1 – Glinoe 1/43; 2 – Траповка 6/11

Не менее широкими окажутся и территориальные рамки. Подобные комплексы встречаются и в Западной Европе (могильник Сант-Микаэль во Франции), так и на о. Окинава (Япония) [Roksandic 2002; Бакшиев, Смирнов 2010, с. 60]. Подобная практика в

разноэтничных культурах, существовавших в различных природно-климатических условиях, с различным укладом хозяйства, еще раз подтверждает тезис В.О. Зайцевой о том, что “за общим термином «вторичные погребения» в некоторых случаях могут скрываться семантически совершенно несопоставимые явления” [Зайцева 2005а].

Теперь обратимся к материалам курганных культур раннего металла степного Причерноморья. Наиболее древними погребениями со следами вторичного перезахоронения, на наш взгляд, пока можно считать могилы ямной культуры. Удельный вес таких комплексов, по подсчетам А.В. Николовой, не превышает 2% от общего числа известных ей могил Украинской Степи [по: Литвиненко 2011, с. 23].

Трудно согласиться с выводами С.С. Поповича и С.М. Агульникова о том, что вторичные погребения (авторы склонны интерпретировать их как погребения с признаками “демембрации”) являются узколокальными и концентрируются в основном в Днестро-Прутском междуречье [Попович 2010, с. 135; Агульников, Попович 2011, с. 342-343].

Ямные погребения “с расчленениями” хорошо известны и в других регионах, к примеру, в Поингулье (Привольное, к. 1, п. 27); Приднепровье (Васильевка I, к. 6, п. 5; Васильевка II, к. 2, п. 3; Харчевик, к. 1, п. 8); в Приазовье (Волонтеровка, к. 1, пп. 6, 9, 11) и в Крыму (Бабенково, к. 3, п. 15; к. 4, п. 7) [Шапошникова и др. 1980, с. 34; Ковалева и др. 1995, с. 26-29; Либеров 1952, с. 77; Константиnescу 1988, с. 102; Щепинский, Черепанова 1969, с. 103, 110]. Снова бросается в глаза то обстоятельство, что вторичные погребения, несмотря на свою малочисленность, встречаются в пределах одного кургана/курганной группы.

Традиция вторичного захоронения бытовала и в среде носителей раннекатакомбной культуры Азово-Черноморских степей (Харчевик, к. 1, п. 7, п. 9; Константиновка, к. 2, п. 3; Огородное, к. 3, п. 3) [Либеров 1952, с. 79; Болтрик и др. 1991, с. 70; Посредников, Зарайская 1993, с. 141].

Подобный способ погребения известен и в материалах других катакомбных культур, которые можно считать синхронными с определенным этапом существования ингульских древностей. Примером вторичных погребений донецкой катакомбной культуры могут быть впущенное в естественное холм п. 3 у с. Черкасское на Северском Донце [Кузин-Лосев 2005, с. 163], а также уникальный комплекс, открытый возле г. Артемовска – к. 2, п. 1, в котором были похоронены по обряду вторичного погребения сразу девять субъектов [Кравец, Татаринцев 1997, с. 77-115].

Практиковался обряд перезахоронения останков и носителями среднедонской культуры (могильник Жетухин, к. 6, п. 4) [Кияшко, Хабарова 2007, с. 22]. Известны подобные комплексы в позднекатакомбных памятниках манычского круга (могильник на левом берегу Маныча – Москва I к. 1, пп. 12 и 13) [Потапов 2007, с. 122-123] и памятниках бахмутского типа (Ивано-Дарьевка на Донеччине, к. 3, п. 3) [Кравец и др. 1990, с. 74]. Эти примеры не единичны.

Можно сказать, что обряд вторичного погребения у “ингульцев” не возникает спонтанно. Вероятно, эта традиция в степях Северного Причерноморья, появилась в среде скотоводов ямной культуры, а позднее практиковалась и племенами, населявшими катакомбную культурно-историческую область.

С исчезновением катакомбных культур, в т.ч. и ингульской, традиция вторичного захоронения не исчезает. Свое яркое проявление она находит в погребальном обряде культурного круга Бабино, а именно в Днепро-Донской бабинской культуре [Литвиненко 2011]. В срубных погребениях следы вторичных погребений встречаются, но уже значительно реже, чем в эпоху средней бронзы.

Объяснять снижение удельного веса вторичных погребений в эпоху поздней бронзы какими-то изменениями в религиозно-культурной сфере, на наш взгляд, не представляется пока возможным. Скорее всего, это объясняется прагматичными обстоятельствами. Если, племена ямной и катакомбных культур степей Северного Причерноморья и Приазовья вели довольно подвижный способ жизни (поселения и даже кратковременные стоянки

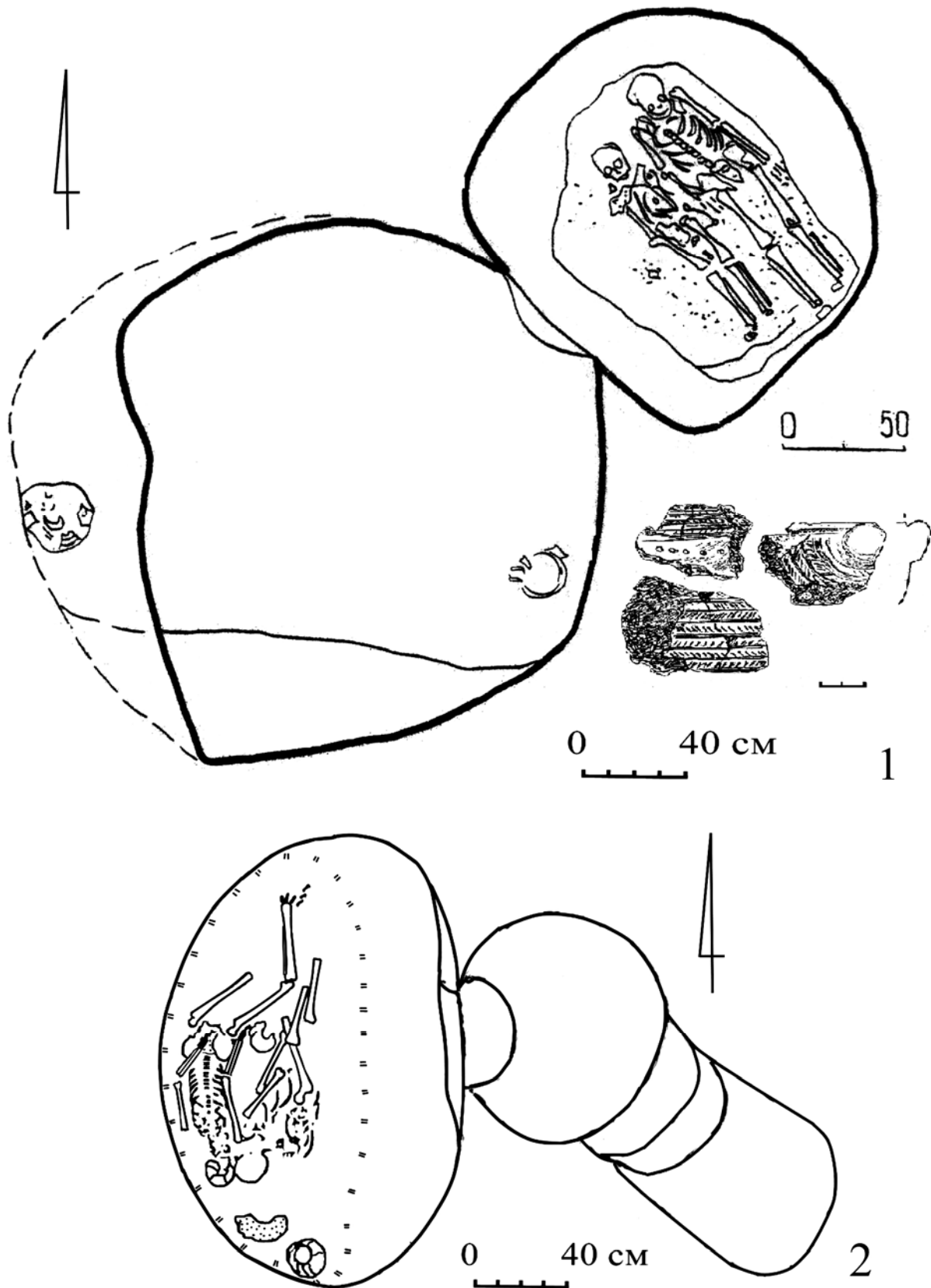

Рис. 5. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры:
1 – Головкивка VII 25/7; 2 – Заможное 12/4

Fig. 5. Secondary burials of Ingul catacomb culture: 1 – Holovkivka VII 25/7; 2 – Zamozhne 12/4

встречаются крайне редко), то период поздней бронзы характеризуется оседлым способом жизни. Средний этап бронзового века – время частых военных конфликтов, о чем свидетельствуют многочисленные погребения с оружием, которое встречается чаще всего именно в катакомбных погребениях.² Скот, являвшийся мерилем богатства, мог становиться главным объектом и военных экспедиций.

Вооруженные конфликты либо заканчивались гибелью пастухов, выпасавших скот в отдалении от мест обитания основной части населения, либо провалом набега и боевыми потерями. А поскольку поиск погибших, их транспортировка, устройство могильного сооружения и другие ритуально-магические действия требовали определенного времени, то становится понятным, что в ряде случаев погребались останки в виде полуразложившихся трупов или вовсе голых костей, помещенных в мешок. Это был просто удобный способ транспортировки костей умершего соплеменника и изоляции трупной скверны. Логично и то, что хоронили павших не так далеко друг от друга – в пределах одной курганной группы или даже одного кургана.

В эпоху поздней бронзы происходят значительные изменения в хозяйственно-экономической сфере, меняется характер межплеменных и межкультурных взаимоотношений. Степное население переходит к мирному оседлому образу жизни с присущим ему придомным скотоводством. Оружие встречается крайне редко в погребениях этой поры (сабашиновская и срубная культуры), что свидетельствует о наступлении некоторого “затишья”. Именно в это время практически исчезает и обряд вторичного погребения.

Выводы. Исследователи культур степной бронзы неоднократно обращали внимание на могилы, в которых останки людей находились в расчлененном виде. Речь идет о так называемых “вторичных погребениях”, когда в могилу помещались либо одни кости погребенного, либо тела, находящиеся на разных стадиях процесса разложения. При этом костные останки либо выкладывались в псевдоанатомическом порядке, имитируя традиционную позу, либо были сложены компактной кучкой (“пакетом”).

Яркое проявление этого ритуала иллюстрируют материалы ИКК. Удельный вес таких комплексов невелик – всего 3,5% от общей массы известных нам ингульских катакомб. Проанализировав погребальный обряд, качественные и количественные характеристики сопутствующих вещей, можно сказать, что большинство вторичных погребений ИКК отличаются неординарностью и отклонениями от стандартных обрядовых норм.

Наиболее трудной задачей остается интерпретация этих комплексов. Причины, которые могли заставлять людей прибегать к подобной погребальной практике, могли быть разные и носить религиозно-магический, ситуативный или социальный характер. Мы склонны считать, что помещение в могилу “расчлененных” скелетов является результатом погребения лиц, умерших вдали, во время выпаса скота или военного похода. Если не удавалось своевременно предать тело земле, хоронили кости или не до конца разложившиеся тела, упакованные в мешок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М. Обряд демембрации в ямной культуре Пруто-Днестровского междуречья / С.М. Агульников, С.С. Попович // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной

² В погребениях позднего бронзового века удельный вес комплексов с оружием заметно сокращается. О вооруженных конфликтах ингульских племен на чужой территории могут свидетельствовать случайные находки разбитых орнаментированных топоров на Луганщине (занятой восточнокатакомбными племенами), погребения с оружием на самой периферии ареала ИКК, трофейный (?) ингульский топор в восточнокатакомбном погребении Залиман II, к. 1, п. 1 на Северскодонетчине [Берестнев 2001, с. 37, рис. 44, 2].

зоны Восточной Европы (сборник научных статей и мемориальных работ посвященных памяти луганских археологов). – Луганск: Глобус, 2011. – С. 323-344.

Бакшеев Е.С. Двустадийная погребальная обрядность Окинавы как археологическая и культурно-историческая реальность / Е.С. Бакшеев, Ю.А. Смирнов // КСИА. – 2010. – Вып. 224. – С. 60-76.

Берестнев С.И. Восточноукраинская Лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С.И. Берестнев. – Харьков, 2001. – 264 с.

Бессонова С.С. Курганы у с. Филатовка / С.С. Бессонова, Л.А. Черных, С.А. Куприй // Курганы степного Крыма. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 41-68.

Болтрик Ю.В. О позднейных чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной / Ю.В. Болтрик, В.Н. Левченко, Е.Е. Фиалко // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1991. – С. 57-84.

Васильев Ю.М. Деструкция органических веществ при двухактных погребениях / Ю.М. Васильев // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2. – С. 31-42.

Варавина Г.Н. Погребения шаманов у эвенов Якутии (кон. XIX – нач. XX в.) / Г.Н. Варавина // Aus Sibirien – 2008. – Тюмень: РИФ, 2008. – С. 35-38.

Зайцева О.В. Тафономические индикаторы вторичности погребения / О.В. Зайцева, Д.И. Ражев // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда: тез. докл. всерос. науч. конф. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 9-11.

Зайцева О.В. Практический опыт диагностики вторичности погребения: погребение 3 кургана 17 могильника Шайтан II / О.В. Зайцева // История Сибири и Дальнего Востока. – 2005а. – Вып. 1 [Эл. ресурс] Режим доступа: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/conf/data/doc/ov_zaiцева.doc

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 – “Археология” / Ин-т археол. и этнограф. РАН. – Новосибирск, 2005б. – 28 с.

Кияшко А.В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог / А.В. Кияшко, Н.В. Хабарова. – Волгоград: Понорама, 2007. – 118 с.

Колтухов С.Г. Курганные древности Крыма / С.Г. Колтухов, Г.Н. Тощев. – Вып. II. – Запорожье, 1998. – 194 с.

Колотухин В.А. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-86 гг. Сакский р-н Крымской области) / В.А. Колотухин, Г.Н. Тощев. – Запорожье: Изд-во ЗГУ, 2000. – Вып. III. – 245 с.

Кравец Д.П. Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе / Д.П. Кравец, В.А. Посредников, Р.А. Литвиненко. – Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1991. – 100 с.

Кравец Д.П. Новые катакомбные памятники Бахмутского края / Д.П. Кравец, С.И. Татаринцов // ДАС. – № 7. – Донецк, 1997. – С. 77-115.

Ковалева И.Ф. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маёвка в степном междуречье рек Орели и Самары / И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачева, В.А. Попцов // Курганные древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1972. – С. 8-113.

Ковалева И.Ф. Раскопки курганов эпохи бронзы в Нижнем Присамарье / И.Ф. Ковалева, З.П. Марина // Курганы Степного Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1980. – С. 4-17.

Ковалева И.Ф. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье / И.Ф. Ковалева, С.Е. Мухопад, В.Н. Шалобудов // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1995. – С. 4-35.

Ковалева И.Ф. Курганы энеолита-бронзы в криворожском течении Ингульца / И.Ф. Ковалева, З.П. Марина, В.А. Ромашко, Д.Л. Тесленко, В.Н. Шалобудов, В.А. Векленко. – Днепропетровск: Вид-во Дніпр. ун-ту, 2003. – 131 с.

Константинеску Л.Ф. Новые материалы позднейшего времени Северо-Восточного Приазовья / Л.Ф. Константинеску // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. – К.: Наук. думка, 1988. – С. 92-107.

Кубишев А.І. Модельовані черепи інгульської культури з пониззя р. Молочної / А.І. Кубишев, С.Ж. Пустовалов // Наукові записки. Теорія та історія культури. – К.: Києво-Могилянська академія, 2002. – Т. 20-21. – С. 53-66.

Кульбака В. Індоевропейські племена України епохи палеометалу / В. Кульбака, В. Качур. – Маріуполь: Рената, 2000. – 80 с.

- Кузин-Лосев В.И.** Могильник эпохи палеометалла / В.И. Кузин-Лосев // АА. – № 17: Колесник А.В., Весельский А.П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца. – Донецк, 2005. – С. 158-166.
- Либеров П.Д.** Курганы у хутора Харчевик / П.Д. Либеров // КСИИМК. – 1952. – № XLV. – С. 74-82.
- Литвиненко Р.О.** Обряд вторичного похоронения в культурах бабинского кола / Р.О. Литвиненко // ДАЗ. – № 15. – Донецк, 2011. – С. 7-35.
- Марина З.П.** Курганы эпохи бронзы у села Павловка / З.П. Марина, В.А. Ромашко, Е.Л. Фещенко // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1988. – С. 5-20.
- Мельник В.И.** Особые виды погребений катакомбной общности / В.И. Мельник. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
- Мельник О.О.** Охоронні розкопки Криворізького музею в 2008-2009 рр. / О.О. Мельник // АДУ 2009 р. — К.: Вид-во ІА НАНУ, 2010. – С. 286-289.
- Осипова Т.В.** Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Т.В. Осипова. – Пенза, 2006.
- Отрощенко В.В.** Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности / В.В. Отрощенко, С.Ж. Пустовалов // Духовная культура древних обществ. – К.: Наук. думка, 1991. – С. 59-84.
- Полин С.В.** Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Успенка и Головковка) / С.В. Полин, Н.П. Тупчиенко, А.В. Николова. – К., 1992. – 47 с.
- Полин С.В.** Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Головковка, Звенигородка, Протопоповка) / С.В. Полин, Н.П. Тупчиенко, А.В. Николова. – Кировоград, 1994. – Вып. 3. – 95 с.
- Полин С.** Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина) в 2007 г. (предварительное сообщение) / С. Полин, Л. Черных, М. Дараган, С. Разумов // Revista arheologică. Serie nouă. – Vol. IV. – N. 1. – 2008. – P. 135-145.
- Попович С.С.** Погребение ямной культуры с обрядом демембрации в кургане 3 у с. Талмаза / С.С. Попович // Индоевропейская история в свете новых исследований. – М.: МГОУ, 2010. – С. 132-135.
- Посредников В.А.** Материалы курганов у с. Огородное (Северное Приазовье) / В.А. Посредников, Н.П. Зарайская // ДАС. – № 4. – Донецк, 1993. – С. 82-178.
- Потапов В.В.** Курганы Западного Маныча / В.В. Потапов // Археологические записки. – Ростов н/Д, 2007. – Вып. 5. – С. 115-143.
- Пустовалов С.Ж.** Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры / С.Ж. Пустовалов // Stratum plus. – СПб., Кишинев, Одесса, 1999. – № 2. – С. 222-255.
- Разумов С.Н.** Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра / С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков // Stratum plus. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2013. – № 2. – С. 297-340.
- Рассамакин Ю.Я.** О погребениях предкатакомбного времени в Северо-Западном Приазовье / Ю.Я. Рассамакин // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К.: ИА НАН УССР, 1991. – С. 42-56.
- Субботин Л.В.** Археологические древности Буджака (Курганы восточного побережья озера Сасык) / Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский. – Одесса, 1995. – 134 с.
- Усачук А.Н.** Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка / А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 13/14. – Донецк, 2010. – С. 185-202.
- Цимиданов В.В.** Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004. – 204 с.
- Шапошникова О.Г.** Курганный комплекс у с. Привольное / О.Г. Шапошникова, В.С. Бочкарев, В.Н. Корпусова // Археологические памятники Поингульях. – К.: Наук. думка, 1980. – С. 17-70.
- Шилов Ю.А.** Прародина ариев: История, обряды и мифы / Ю.А. Шилов. – К.: СИНТО, 1995. – 744 с.
- Щепинский А.А.** Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до нашей эры / А.А. Щепинский, Е.Н. Черепанова. – Симферополь: Крым, 1969. – 328 с.
- Venbrux E.** Robert Herz's seminal essay and mortuary rites in the Pacific region / E. Venbrux // Journal de la Société des Océanistes. – 2007-1. – 124. – P. 5-10.
- Roksandic M.** Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior / M. Roksandic // Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives. – Chemical Rubber Company Press, 2002. – P. 100-117.
- Schroeder S.** Secondary disposal of the dead: cross-cultural codes / S. Schroeder // World cultures. 2001. – № 12 (1). – P. 77-93.

Таблица 1. Основные характеристики вторичных погребений ингумальной катакомбной культуры

№	Пункт	Стратиграф. положение	Сектор в кургане	Размеры (м):		Полож. останков	Ориентация	Присутствие охры	Потреб. ложе	Модет. лица по черепу	Инвентарь, кости жив.	Источник
				шахта	камера							
1	Глинное, 1/43	Вп.	ЮЗ	0,65×1,1 5	3,25×2,05	Имитация позы	СЗ	+	+	-	два сосуда, бр. шильце. Скелет лошади	Разумов и др. 2013, с. 307.
2	Траповка, 6/11	Вп.	ЮЗ	1,4	2,5×1,7	“пакетом”	-	+	+	-	-	Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995, с. 42.
3	Зелен. Гай, 1/7	Вп.	Ю	1,5	2,05×1,6	Имитация позы	З	-	+	-	Сосуд	Ковалева и др. 2003, с. 83.
4	Дубова Могила, 1/3	Вп.	СЗ	1	2×1,4	Имитация позы	В	-	+	-	Колесо, дер. чаша, кремн. пластинка и отщеп	Ковалева и др. 2003, с. 11.
5	Кривой Рог, 1/10	Вп.	СЗ	0,63	2,68×1,84	Имитация позы	В	-	+	-	каменный “алтарик”	Мельник 2009, с. 287
6	Головковка I, 3/4	Вп.	ЮВ	1×0,75	2,15×1,6	Имитация позы	З	+	+	-	Сосуд, топор	Полин и др. 1992, с. 35.
7	Головковка V, 6/10	Вп.	ЮВ	?	1,7×1,3	Имитация позы	ЮЗ	+	+	-	Дерев. чаша	Полин и др. 1994, с. 42.
8	Головковка, VII, 25/3	Вп.	ЮВ	?	0,8×0,6	Имитация позы	Ю	+	+	-	-	Полин и др. 1994, с. 53.
9	Головковка, VII, 25/7	Вп.	ЮВ	3×2,4	2,2×2	Имитация позы	СЗ	+	+	+	Два сосуда, бронз. гвоздик и пластика	Полин и др. 1994, с. 12.

10	Головковка VIII, 26/6	Вп.	В	?	2,15×1,1	Имитация позы	Ю	+	-	-	Полин и др. 1994, с. 59.
11	Звенигородка, 10/2	Вп.	СВ	?	1,75×1,25	Имитация позы	ЮВ	+	+	-	Полин и др. 1994, с. 33.
12	Павловка, 1/10	Вп.	ЮВ	0,9	1,55×0,9	Имитация позы	З	+	+	-	Марина, Ромашко, Фещенко 1988, с. 8
13	Старая Катериновка, 31/2	Вп.	Ю	1,1	2,6×1,5	Имитация позы	З	+	-	-	Полин и др. 2007, с. 138.
14	Игнатовка, 2/7	Вп.	СВ	1,9×1,25	2,1×1,6	Имитация позы	СВ	+	-	-	Марина, Морковина, Фещенко 1984, с. 14
15	В. Маевка XIV, 1/4	Вп.	ЮВ	1,05	2,2×1,6	“пакетом”	-	+	-	-	Ковалева и др. 1972, с. 33
16	В. Маевка XVIII, 4/12	Вп.	Вп.	0,7	2,22×1,4	Имитация позы	С	-	-	-	Ковалева и др. 1972, с. 111.
17	Соколово, VI, 2/1	Вп.	В	1,2×1,1	2,2×1,8	Имитация позы	-	-	-	-	Ковалева, Марина 1980, с. 17.
18	Заможное, 6/2	Вп.	В	?	1,99×1,1	Имитация позы	ЮВ	+	+	-	Отрошенко, Пустовал. 1991, с. 68.
19	Заможное, 12/4	Осн.	-	1,3×1,1	2,35×1,65	Имитация позы	С	+	+	+	Пустовалов 1999, с. 229.
20	Виноградное, 3/18	Вп.	СВ	?	1,8×1,3	“пакетом”	-	+	+	-	Пустовалов 1999, с. 241.
21	Виноградное, 12/1	Осн.	-	1,1×1	2,5×2,1	Имитация позы	З	+	+	+	Пустовалов 1999, с. 237.
22	Виноградное, 13/2	Осн.	-	1,1×1,05	2,45×1,9	Имитация позы	З	+	+	+	Пустовалов 1999, с. 237.
23	Виноградное, 19/8	Вп.	СВ	?	1,95×1,33	“пакетом”	В	+	-	+	Рассамакин 1991, с. 52.

24	Виноградное, 23/6	Вп.	Ю	?	1,55×1,05	“пакетом”	ЮВ	-	-	+	-	Пустовалов 1999, с. 236.
25	Виноградное, 34/12	Вп.	С	?	2,1×1,4	Имитация позы	Ю	+	+	+	-	Пустовалов 1999, с. 234.
26	Волчанск, 2/3	Вп.	С	?	1,75×1,15	Имитация позы	Ю	+	+	+	-	Кубишев, Пустовал. 2002, с. 55.
27	Волчанск, 5/9	Вп.	С	0,63×0,5 2	2,15×1,47	Имитация позы	-	+	+	+	-	Кубишев, Пустовал. 2002, с. 58.
28	Филатовка, 8/12	Вп.	С	1,2	2,2×1,75	“пакетом”	С	+	-	+	Лопатка животного, камен. брусок, ракушка, 2 кремн. отщеп	Бессонова, Черных, Куприй 1984, с. 52.
29	Филатовка, 12/2	Осн.	-	1,25	2,4×1,7	Имитация позы	-	+	-	+	Булава, бронз. нож, бр. шило, камен. выпрям. стрел, пест, плитка, два точильных камня, кремн. желваки, отщепы, ракушки	Бессонова, Черных, Куприй 1984, с. 65.
30	Славное, 1/8	Вп.	В	1,1	2,4×2	“пакетом”	-	+	-	+	-	Колтухов, Тошев 1998, с. 103.
31	Крыловка, 12/4	Вп.	В	1,2×1,1	2,58×1,65	“пакетом”	-	-	-	-	Рог	Колотухин, Тошев 2000, с. 158.